

Играние

(Excerpt in Russian)

Translated by: Aleksandra Krasovets

Contact of the translator: aleksandrakrasovec@yahoo.com

Конец истории

Ужин я готовила весь день, на самом деле я его готовила два дня, накануне сделала тирамису, утром сварила кофе и оставила его охлаждаться до самого вечера, вечером взбила яичные белки, отдельно сливки, отдельно желтки с сахаром, взбитые сливки сперва смешала с желтками, затем с маскарпоне и в конце добавила белки, до состояния пенки, мне нравится выражение «взбивайте до состояния пенки», они еще пишут, что нужно все делать медленно, с чувством; это единственный рецепт, который у меня есть, где написано, что нужно все делать медленно, с чувством, я следовала всем указаниям, как было написано, все делала медленно и с чувством, между тем, согласно Дзен-учению, уделяла внимание каждой детали, тренировалась в концентрации, когда взбивала яйца, я говорила себе, сейчас ты взбиваешь яйца, сейчас доливаешь ром, когда я его доливала, теперь добавляешь ванильный сахар, когда я сыпала его в миску, занять себя, занять себя чем-то, делать все с осознанием, перед сном оглянуться на прошедший день и обдумать его, улыбнуться при мысли обо всем, что ты сделал хорошо, поразмыслить, как можно улучшить то, что тебе не удалось, но это вообще не работает, это утопия, на самом деле нет, не утопия, лишь равновесие между удавшимися и неудавшимися вещами не обязательно должно быть в пользу человека, перед сном ты можешь сделать инвентаризацию дня, начнешь с утра, с еще одного солнечного восхода, к которому ты опоздал, так как от усталости уснул лишь перед самым его началом, ты проснулся где-то около десяти, у тебя ломило все тело, ты встал, шарил по квартире, решил, что в этот раз сходишь за покупками, в этот раз на самом деле, в этом ведь нет ничего такого, инвентаризация продолжается в этом месте, так, значит, ты решил, что выйдешь из квартиры, но что-то тебя остановило, что-то тебя задержало, что-то снаружи тебя пугало, затем долгое время ты уговаривал сам себя, часть тебя говорила, давай уже, выйди на улицу, другая же часть — нет, не сейчас, немного попозже, наступает послеполуденное время, Эрик возвращается с работы, день потихоньку соскальзывает к вечеру, вечер опускается, и Эрик говорит, пойдём спать, ты говоришь, пойдём, но в глубине себя боишься часов, которые тебя ожидают, Эрик вскоре заснет, захрапит, перевернется на другой бок, ты же останешься совсем одна в мире, погребенная в живой песок бессонницы, будешь вертеться в постели, взбивать подушку, искать удобное положение, поправлять одеяло, но сна не будет, еще долго не будет, вместо этого перед тобой будут проноситься воспоминания о лицах в поликлинике, которые вдруг начали отворачиваться, об унижительных взглядах на собеседованиях при приеме на работу, они будут переплетаться с воспоминаниями десятилетней, двадцатилетней давности, с ситуациями, в которых ты абсолютно неправильно отреагировала, с теми, когда ты не реагировала, а следовало бы, заново пройдешь через все эти вещи, в последний раз в воспоминаниях я унеслась во времена, когда я была еще в средней

школе, и мы жили в доме с садом и огородом, у нас было несколько кур, в наполовину сельской местности, я вспомнила, как у соседней сбежал пес, помчался за нашим петухом и начал его гонять, всего исцарапанного и кровавого мы нашли его лишь через два часа, он дрожал в котельной, там он скрылся, сосед взбесился, позвал охотника, они вместе отправились по направлению к лесу, сосед с собакой на поводке, охотник с ружьем на плече, я наблюдала за ними из окна и думала, так ему и надо, а мама сказала, что соседский сын через два дня вернется домой, а пса не будет. Соседский сын был на экскурсии в честь окончания девятого класса, пес принадлежал ему, и он его очень любил, в ту же секунду мне стало жаль, что я подумала, так ему и надо, я должна была побежать за ними, должна была сказать соседу, пожалуйста, не застреливайте его, сосед меня бы послушал, он бы передумал, наверняка бы передумал, охотник не имел бы ничего против, он ведь стал охотником не для того, чтобы собакам на расстоянии двух метров засаживать пулю между глаз, но я этого не сделала, я сидела у окна и говорила себе, что не могу ничего изменить, его сын через день или два вернулся домой и у него разбилось сердце, как я теперь могу это изменить, как я могу это переиначить, как я могу это исправить, что сделать, чтобы выравнять ситуацию, что бы имело тот же вес, как и осознание четырнадцатилетнего парня, что тем временем, пока его впервые в жизни три дня не было дома, кто-то позволил убить его собаку, вот, такие вещи я вспоминаю, пока не могу уснуть, ночь за ночью они всплывают на поверхность как дохлая рыба, мягкой, ранимой стороной вверх, до самого утра я думаю о них до изнеможения, затем круг замыкается, день повторяется, и так далее.

Тирамису получается отличный, если всю ночь стоит в холодильнике, с ним мы пили прекрасный мускат с Халашских холмов, перед этим мы ели другие вещи, которые я приготовила днем, и пили власский рислинг от того самого фермера, я все приготовила таким образом, что вечером нас все ждало на кухне на барной стойке, мы могли взять тарелку и пройтись от одного блюда к другому, от одного подноса к другому, когда я смотрела на это все, мне казалось, что холодный буфет составлял кто-то, кто хочет произвести впечатление на гостей, но не имеет понятия о кулинарии, но я не стала переживать по этому поводу, я действительно не переживала, это я тоже заметила, и это чувство было приятным, мне казалась хорошо уже то, что у нас было что поесть и что мне в присутствии гостей не нужно было ничего готовить, смешивать, резать, встряхивать, в отличие от Полича, он всегда готовит еду с завершающим этапом на публике, осознает, насколько элегантны его движения и какой он в этот момент весь из себя красивый в наших глазах, между нами есть та большая разница, что то, что делает он, люди замечают и восхищаются, то, что делала я, замечали лишь тогда, когда у меня чего-то не получалось, если я смешивала неподходящие оттенки, недостаточно или чересчур подточила зубы, если я делала так, как должно быть, этого никто не замечал. Эрик злился, что они снова опаздывают, как у них иногда бывает, меня это больше не раздражает, всегда к назначенному времени я прибавляю сорокапятиминутное опоздание, и все идет как по маслу, когда Поличи позвонили в дверь, я как раз отрезала на балконе несколько веточек розмарина, подняла взгляд, небо сверкало, как оно сверкало, словно по нему разлился мягкий розоватый свет, предметы отбрасывали не серые, а фиолетовые тени, я сказала, сперва все на балкон, вы должны это увидеть, мы стояли на балконе, смотрели на запад и молчали, начало нашего вечера было чудесным.

Где-то час спустя выключилось электричество, мы как раз заканчивали ужинать и выпили весь рислинг, наши желудки нуждались в перерыве, чтобы приступить чуть позже к десерту, когда же не стало света, Эрик зажег большую свечу, гостиную наполнил легкий запах индийского пачули, и спросил, есть ли у кого-нибудь какая-нибудь идея, чем бы нам сейчас заняться, я сказала, что, если вы хотите, я могу что-нибудь прочитать, я взяла небольшой светодиодный фонарик и первую попавшуюся мне под руку книгу, я думала, что это Эфраим Кишон, что я смогу выбрать какую-нибудь забавную семейную историю, но я схватила Брульца, подумала, что каждая вещь имеет свой смысл, открыла и начала читать, прочитала рассказ о водителе локомотива, я чувствовала себя сказителем, который у открытого огня повествует истории о героических викингх, все трое молчали и внимательно меня слушали, электричества все еще не было, когда я закончила читать, выключила фонарик, в комнате горела лишь большая пахучая свеча, лица я с трудом различала, как будто в круг были собраны лишь мягкие медовые очертания человеческих голов, мы еще немного помолчали, после этого Эрик сказал, хорошая история, Ирена сказала, хорошая и конец счастливый, это мне нравится, Полич не сказал ничего, как всегда он сперва несколько минут раздумывал, прежде чем что-либо произнести, про себя он сперва формулировал предложение перед тем, как его озвучить, мы снова немного помолчали, Ирене никто не возражал, этим человеком должна была быть я, я сказала, что ты имеешь в виду под счастливым концом, она ответила, да, в результате водитель локомотива все же не кончает жизнь самоубийством, я но в этом и заключается вся трагичность, его жизнь ужасна, он в отчаянии, и у него нет причин жить дальше, но он не убивает себя, возвращается к этой чудовищной жизни, которая его душит, опустошает и делает несчастным, Полич говорит, знаю, что ты хочешь сказать, Маринка, Полич развил бы свою мысль, согласился бы со мной, мы бы говорили об этом, обменивались бы мнениями, различными точками зрения, но Эрик его перебил и сказал, Маринка, дома его кто-то ждал, кто-то, кого он любил, у истории счастливый конец, жена не потеряла мужа, ребенок не потерял отца, затем снова что-то сказал Полич, но уже другим тоном, очевидно, он передумал, поменял свое мнение, вероятно, лишь для того, чтобы произвести впечатление на Эрика, так как был в него влюблен, он хотел ему понравиться, подстраивал свои мысли под мысли Эрика, я вдруг оказалась одна против трех, так что мы не могли больше беседовать, вести дискуссию, вещь рано или поздно обернулась бы в их объяснения, что у истории счастливый конец, а я бы не знала, как защищаться, как отстаивать свою позицию, трагедия в истории мне кажется чересчур очевидной, чтобы я могла найти еще какие-либо аргументы, если бы я настаивала на своем, то, скорее всего, выглядела бы странной и упрямой, этого мне не хотелось, я сказала, хм, возможно, вы правы, но могла бы и промолчать, должна была промолчать, в этот раз я должна была промолчать, если уж я тогда не смогла защитить соседского пса, нас почти ослепило, включили свет, Эрик воскликнул, Маринка, тирамису!